

рические пристрастия другого противника Сумарокова, а именно Третьяковского. С конца 1740-х гг. тот работал над переводом трудов Ш. Роллена, посвященных древней и римской истории. Попутно Третьяковский помещает в «Ежемесячных сочинениях» статью «Об истине сражения у Горацийев с Куриациями, бывшего в первые Римские времена в Италии». Статья представляла собой вольное изложение предисловия из «Римской истории» двух историков-иезуитов, Кеструя и Рульема. Пересказывая его, Третьяковский вводил русского читателя в круг проблем европейской исторической критики античных источников. Центральной проблемой статьи была проблема достоверности сведений об исторических источниках, сообщаемых «пиитами». Излагая аргументацию иезуитских историков, отвергавших возможность недобросовестности римских поэтов, сохранивших известия о поединке между Горациями и Куриациями (подобными известиями и пользовался Тит Ливий при написании своей истории), Третьяковский ссылается на примеры из русской истории: «Кто, например, отважится у нас написать стихами, что хан Мамай не шел на Россию? Что князь Димитрий Иванович (прозванный Донским) не победил его? Что Сергей Радонежский не давал ему двух черноризных богатырей Пересвета и Ослеба? (...) Всем тогда и ныне ведомо сие не разгласно истинное бытие; и не токмо Россиянам, но и чужестранным соседним народам».¹⁰

В свете вынашиваемого Сумароковым замысла «Димитрияды» подобный пассаж не мог остаться незамеченным. И последовательно проводившаяся в статье Мотониса мысль о принципиальном различии задач поэта и историка в сущности опровергала положения статьи Третьяковского, не говоря уже о скрытых намеках на его личность в выражениях «суевер», «безбожник» и «суетный вольнодумец» (вспомним начало памфлетного стихотворения Ломоносова «Зубницкому», направленного против Третьяковского: «Безбожник и ханжа, подметных писем враль!»).

Вопросы изучения истории в их теоретическом освещении затрагивались и в статье «О пользе мифологии», автор которой Г. В. Козицкий также находился в дружеских отношениях с Сумароковым. Этой статьей, кстати, открывался первый номер «Трудолюбивой пчелы». Говоря о соотношении мифологии и истории, Козицкий высказывает ряд принципиальных соображений, помогающих лучше представлять тот уровень понимания места истории в системе знаний, который соответствовал представлениям о ней Сумарокова. «История представляет нам начала, укрепление и распространение государств, подает основательные правила и показывает в самом деле сбывшиеся примеры ко управлению целых народов, описывает прехвальные и вечной славы достойные дела мужей

¹⁰ Ежемесячные сочинения 1755 Т I С 211